ДРЕВНИЕ БОЛГАРЫ В БАССЕЙНЕ ДОНА И ПРИАЗОВЬЯ

С. А. Плетнева (Москва)

Письменные сведения о болгарах, обитавших в восточноевропейских степях, очень отрывочны и кратки. Упоминания болгар и родственных им народов и племен в византийских, сирийских и арабских сочинениях многократно комментировались и трактовались исследователями, начиная с середины XIX в. и кончая нашим временем. Наиболее обстоятельная попытка осмысления и обобщения всех письменных данных о восточноевропейских болгарах была предпринята М. И. Артамоновым.[1] Однако даже этот капитальный труд нельзя считать решением праболгарской проблемы. Характерно, что сразу же после публикации труда Артамонова вышла в свет книжка В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова, в которой также подобраны почти все упоминания о болгарах Причерноморья и Подонья,[2] но толкуются они уже по-новому, и следует признать, что читателю порой трудно решить, кто же из авторов прав в трактовке того или иного вопроса. Очевидно, происходит это не оттого, что исследователи недостаточно компетентны. Причина недоказанности, недостоверности всей совокупности известий кроется в их предельной фрагментарности. Попытки соединения этих фрагментов в нечто целое всегда будут только более или менее остроумно построенными гипотезами.

Совершенно ясно, что необходимо искать источники, которые дали бы нам хоть какие-то новые материалы для связи отдельных давно изученных фактов.

Поскольку находки неизвестных ранее письменных документов все реже и реже попадают в руки ученых, единственным доступным и практически неисчерпаемым источником, к тому же слабо исследованным, являются археологические материалы.

Накопление археологических материалов по праболгарам фактически началось с раскопок В. А. Городцова[3] на знаменитом теперь Зливкинском могильнике, расположенном в среднем течении Северского Донца. Именно этот памятник стал эталонным при определении этнической принадлежности открываемых после него аналогичных могильников и отдельных погребений. Напомню характерные для него черты погребального обряда: 1. Неглубокие (до 1 м) могильные ямы с вертикальными стенками без следов перекрытий или гробов. 2. Одиночные захоронения. 3. Вытянутая на спине поза погребенного с руками вдоль туловища. 4. Ориентировка головой на Запад. 5. Почти полное отсутствие вещей в могиле (исключая сосуды). 6. Сопровождение умершего запасом пищи: в сосудах и в виде кусков мяса, от которого сохраняются кости. Характерно при этом, что в мужские и детские могилы помещали баранину, а в женские — говядину или изредка свинину и конину (рис. 1). 7. Наконец, самой существенной особенностью Зливкинского могильника является антропологический состав погребенных. Все они брахикраны с широким лицом и выступающим носом, во всех прослеживается легкая примесь монголоидности. Изучались зливкинские черепа Анучиным, Трофимовой, Дебецом,[4] выделившим благодаря им новый антропологический тип раннесредневекового населения Восточной Европы.

В настоящее время могильников и отдельных погребений т. наз. „зливкинского типа" известно на территории Подонья и Приазовья уже более 20. После выхода в свет работы И. И. Ляпушкина о салтово-маяцкой культуре[5] ни у кого из исследователей не возникает сомнения в принадлежности этих памятников болгарам. Основным аргументом для объединения их между собой, а также для сопоставления и связи их и древнеболгарскими погребениями Дунайской и Волжской Болгарии являются прежде всего антропологические материалы.

Остальные черты обряда, выделенные нами на зливкинском могильнике, характеризуют погребальный обряд праболгар в целом. Однако следует помнить, что большинство могильников имеют собственно специфические особенности, отличающие их от зливкинского. Эти отклонения от „классического" обряда касаются буквально всех, перечисленных выше черт.

1. Могильные ямы бывают глубокие, с перекрытиями (с плечиками на длинных стенках), круглые, с неглубокими подбоями.

2. Погребения нередко совершались в гробах (деревянных ящиках-рамах без дна или в колодцах), иногда в каменных ящиках.

3. Дно могил посыпалось углем или устилалось камышом.

4. Попадались коллективные захоронения.

5. Изредка покойники погребались скорчено на боку.

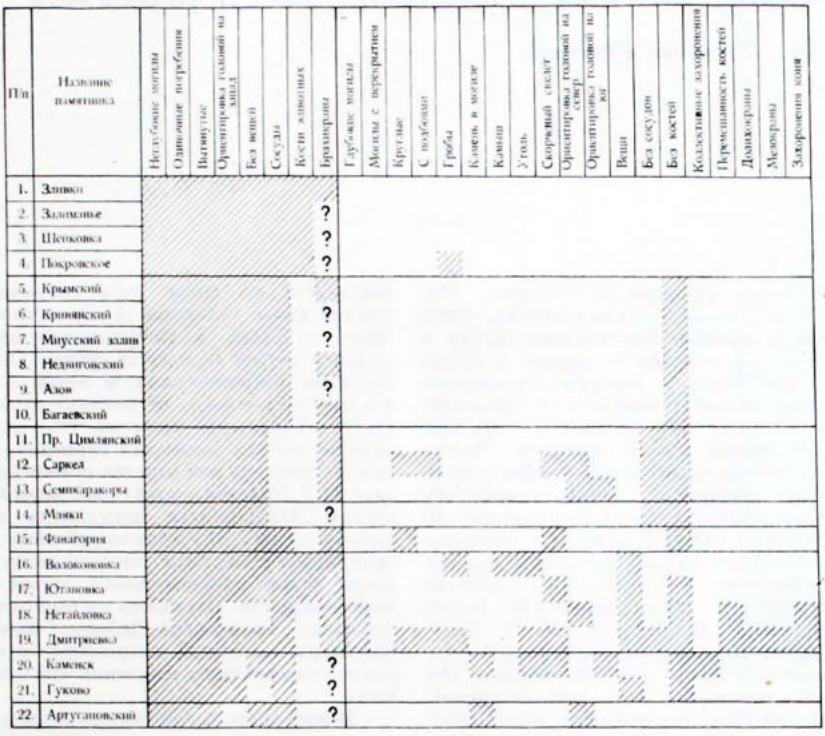

Рис. 1. Корреляционная таблица могильников с основными и дополнительными признаками погребального обряда древних болгар

6. Помимо западной, были приняты северная, южная, восточная ориентировки.

7. В могилы помещался разнообразный, иногда богатый инвентарь.

8. Кости животных (жертвенная пища) нередко отсутствуют, сосуды тоже.

9. Наконец, погребения человека сопровождались одновременным захоронением коня (правда, всего в одном могильнике).

Корреляция всех особенностей погребального обряда праболгар („классических" и отклонений) с известными сейчас могильниками и погребениями позволила разделить имеющийся у нас в руках материал на несколько групп (рис. 1).

В первую, кроме Зливок, входят еще три могильника: Залиманье, Шейковка, Покровское.[6] Все они характеризуются зливкинским погребальным обрядом, без отклонений. Только в Покровском могильнике в одной могиле были зафиксированы следы гроба-рамы. Однако, поскольку и в зливкинском могильнике известны отдельные находки кованых гвоздей в могилах, свидетельствующие как будто о наличии гробов в них, то считать использование гроба важным отклонением от зливкинского обряда представляется нам неправомерным. Наличие или отсутствие гроба — признак скорее хронологический. Все четыре могильника первой группы локализуются в бассейне Среднего Донца (рис. 2).

Вторая группа отличается от первой только отсутствием костей животных в могилах, т. е. отсутствием заупокойной мясной пищи. К ней относятся три могильника и несколько отдельных погребений (Багаевский, Кривянский, Крымский, Танаисские погребения и одиночные погребения в Азове и Беглице[7]). Все эти памятники и отдельные находки расположены на Нижнем Дону и на берегах Таганрогского залива (в Приазовье).

К третьей группе относятся погребения, характеризующиеся почти полным отсутствием находок: в них нет ни костей животных, ни сосудов, ни мелких бытовых предметов и дешевых украшений, которые попадаются в обычных погребениях праболгар. Такие погребения были обнаружены на окраинах поселения у городища Маяки, у стен Саркела, среди кладок Семикаракорского городища,[8] на Правобережном Цимлянском городище и в Фанагории.[9] Четыре из них — крупные населенные пункты, а Правобережный замок находился в 15 км от Саркела и, естественно, что погребальный обряд в нем был тот же, что и в самом Саркеле. Очевидно, этот простейший обряд был принят рядовым населением городов и больших поселков. Впрочем, неред-

ко, особенно в обширном Саркельском могильнике попадались и различные нарушения: в могилы ставились горшочки с пищей, покойники укладывались скорчено, в качестве могил использовались круглые хозяйственные ямы, а в обычных ямах сооружались неглубокие подбойчики. Погребения встречались нередко прямо в городе, среди жилых построек. В таком случае их ориентировка подчинялась направлению стен построек (так было, в частности, на Семикаракорском городище). Особенный интерес представляют собой два подбойных саркельских погребения, подбои для которых были вырыты в стенках заброшенной полуземлянки. Такая же полуземлянка с подбойным погребением была вырыта на территории могильника. По-видимому, обряд захоронения в жилищах, иногда даже специально сооруженных для этой цели, также следует считать одной из характерных черт праболгарского погребального обряда.

В заключение характеристики погребений третьей группы следует подчеркнуть частые нарушения единообразия обряда в городских могильниках Саркела и Фанагории. Объясняется это, вероятно, некоторой смешанностью населения в городах — в них селились выходцы из разных земель, однако преобладающим было и в городах то население, на территории которого стоял город.

Четвертая группа представляет собой могильники и погребения, отличающиеся от „классического" варианта особенно сильно: праболгарский обряд приобретает десятки новых оригинальных особенностей, важнейшими из которых являются: подбои, уголь на дне могилы, скорченность, нарушения ориентировки, перемешанность костей покойников, большое количество вещей в могиле и захоронения коня вместе с погребенным. К этой группе относятся: Нетайловский могильник,[10] Волоконовский могильник,[11] погребения на Дмитриевском[12] и Ютановском катакомбных могильниках. Все эти памятники находятся в лесостепной зоне распространения катакомбных аланских могильников. (Нетайловский могильник находится напротив знаменитого Верхне-Салтовского — на левом берегу Донца, Волоконовский — напротив Ютановского могильника на левом берегу Оскола). Буквально все прослеженные в этих могильниках нарушения обряда свойственны катакомбным могилам, в Нетайловке могилы даже внешне напоминали обычные дромосы. Таким образом здесь явное изменение обряда под непосредственным воздействием живущих и погребавших рядом катакомбников-алан. Интересно, что влияние это было взаимным. На Дмитриевском могильнике обнаружено несколько ямных погребений, в которых были захоронены долихокраны-аланы. В катакомбах нередко попадались женские скелеты праболгарок, уложенные вытянуто на спине, тогда как по аланскому обряду их следовало похоронить скорченно. Кроме того, в катакомбах Дмитриевского могильника около 25 процентов всех скелетов — мезокраны. Очевидно, живущие рядом аланы и болгары поддерживали постоянные и тесные родственные связи. На одном из Дмитриевских селищ было обнаружено скорченное погребение девочки-подростка в круглой яме, а на другом — также скорченное захоронение женщины в подбойной могиле в жилище. Оба скелета принадлежали брахикранам-праболгарам и оба были погребены в соответствии с принятым у болгар обрядом.

Взаимовлияния алан и болгар в лесостепной зоне явственно выступают и на Маяцких городище, селище и могильнике. На поселении попадаются жилища с сооруженными внутри их погребениями-катакомбами (а не подбоями, как у болгар). Весьма существенно и то обстоятельство, что на катакомбном могильнике почти половина покойников — брахикраны и мезокраны, да и катакомбы на нем сильно отличаются от обычных — они скорее напоминают подбои, аналогичные подбоям, открытым на Саркельском могильнике.

Итак, в лесостепной зоне формировалась праболгарская группа, постепенно сливающаяся с аланами. Нашествие печенегов в IX в. прервало этот естественно эволюционный процесс слияния.

К пятой группе относятся два могильника, характеризующиеся прежде всего каменными обкладками могил, т. е. каменными ящиками вместо гробов. Один из них — Рыгинский могильник близ Каменск-Шахтинского на Нижнем Донце, другой — Артугановский у станицы Багаевской на Нижнем Дону (расстояние между ними по прямой около 100 км). Рыгинский могильник имеет, кроме того, еще ряд оригинальных черт, от-

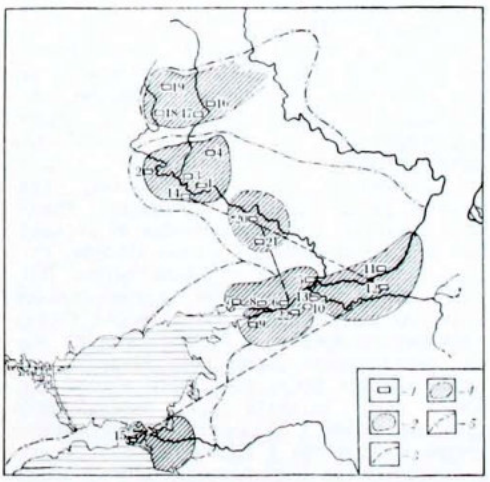

Рис. 2. Карта распространения могильников древних болгар на территории Подонья-Приазовья

1 — могильник; 2 — районы могильников определенных типов; 3 — намечающийся район могильников в низовьях С. Донца; 4 — границы вариантов салтово-маяцкой культуры; 5 — связи могильников разных районов между собой

личающих его от всех предыдущих групп: коллективные захоронения, южная ориентировка, угольные подсыпки. Покойники на Артугановском могильнике похоронены головами на северо-восток. Оба могильника выделяются из всех окружающих их погребений явной чужеродностью. Поскольку аналогии каменным обкладкам мы знаем только в Крыму, можно, очевидно, предполагать какое-то переселение части крымского населения в район Нижнего Дона и Донца.

Циркуляция населения в степях была весьма оживленной. Об этом свидетельствуют не только проникновение крымских традиций погребального обряда в Подонье, но и некоторая перемешанность городского населения и активное проникновение праболгар в лесостепные районы, и появление на Среднем Донце и в Фанагории погребального обряда, распространенного, в основном, в окрестностях Саркела, и откочевка какой-то части саркельцев на Верхний Дон (на Маяцкое городище).

Тем не менее мы можем сейчас наметить несколько районов с характерными чертами погребального обряда: среднедонецкий, нижнедонской, саркельский (цимлянский), лесостепной. Все эти районы являются, по-видимому, районами расселения каких-то древнеболгарских объединений: орд или племенных союзов (рис. 2).

Отождествлять их с союзами племен, названных в письменных источниках VI—VII вв., вряд ли правомерно, поскольку все перечисленные нами памятники датируются не раньше второй половины VIII — первыми десятилетиями X в. Все они синхронны катакомбным могильникам, изобилие инвентаря в которых позволяет датировать их достаточно убедительно.[13] И ямные, и катакомбные могильники, а также десятки одновременных им поселений характерны для единой в целом культуры, получившей название салтово-маяцкой. Снивелированная на огромной территории, эта культура представляла собой, очевидно, государственную культуру Хазарского каганата, поскольку границы ее распространения совпадали с границами каганата, устанавливаемыми по письменным источникам (письму кагана Иосифа, русским летописям, трактату Константина Багрянородного).[14] Становление салтово-маяцкой культуры в Подонье и Приазовских степях совпадает по времени с началом второго этапа существования Хазарского каганата, который начался после последнего похода арабов в глубь каганата (737), завершившего арабские войны с Хазарией. Существование центра государства в Прикаспийских степях, в любой момент подверженных новому нашествию, было невозможно, поэтому сам каган перебрался в новую столицу — Итиль на Нижней Волге, а обитавшие в Прикаспийских степях и предгорьях жители в массе, видимо, откочевали в плодородные и богатые донские степи. В несколько десятилетий огромные пространства донских степей и лесостепи были освоены и заселены. Аланы в основной массе поселились в верховьях Дона и его притоков, поскольку высокие берега с обрывистыми склонами напоминали им, по-видимому, родные кавказские предгорья, а болгары из Приазовья и Предкавказья рассеялись сначала по степям и, очевидно, какое-то время занимались кочевничеством. Вот в этот период неустойчивости, первого освоения степей и происходила активная перетасовка всех известных ранее по письменным источникам праболгарских группировок. Степи Нижнего Дона и Приазовья были, очевидно, в то время заняты болгарской ордой Батбая. Пришедшие из Предкавказья орды болгар и отчасти хазар столкнулись с ними. Эти столкновения вызвали передвижения по степи, смешение орд, образование новых объединений. И только тогда, когда кочевая степь пришла в относительное равновесие, когда возникли оседлые поселения-зимовища, определились места кочевок, появились могильники, начали вырабатываться этнографические особенности населения каждого района. Прежде всего, эти особенности нашли выражение в погребальном обряде. При этом следует учитывать, что в основу погребального обряда каждой новой группировки, вполне возможно, лег обряд той старой орды, которая была самым крупным подразделением, вошедшим в новый союз. Но определить теперь название этой старой орды кажется нам нереальным. Всякие попытки сделать это в значительной степени фантастичны.

Наличие могильников уже является свидетельством относительной оседлости населения, оставившего их. Окружающие могильники оседлые поселения и укрепленные городища (наряду с явными следами летних кочевий) надежно подкрепляют этот вывод.

Рассмотрим те черты поселений, которые представляются нам собственно болгарскими, свойственными исключительно или преимущественно болгарам. Прежде всего, только в степной зоне нашими разведками были обнаружены остатки кочевий, т. е. поселений без культурного слоя, без определенных границ, с минимальным количеством находок на поверхности.[15] Находки — обломки лощеных сосудов и кухонных горшков с линейным орнаментом, позволяют датировать эти поселения в пределах VIII—IX вв.

Кочевья располагались обычно вдоль берегов рек, на первой надпойменной террасе. Размеры их иногда достигали нескольких гектаров. Точно такими же по внешнему виду были и оседлые поселения. Однако у них, как правило, есть культурный слой, довольно большое количество находок на поверхности и, главное, характерные зольные пятна — остатки зольных куч.

Для степных болгарских поселений Подонья характерные жилища типа юрт или жилища, имеющие с юртами ряд общих черт:

почти неуглубленные в землю, с очагами в центре пола, со стенами каркасных (жердевых) конструкций. Встречаются на поселениях и обычные полуземлянки, но очаг у них всегда в центре пола, открытый, т. наз. „тарелкообразный". В лесостепной аланской зоне салтово-маяцкой культуры на поселениях преобладают полуземлянки, причем очаги в них нередко заменяются обычными славянскими печами — глинобитными или каменками, или же сооружаются в углу жилища с применением каменной обкладки. Юртообразные жилища также попадаются на лесостепных поселениях, но это и понятно, если вспомним, какое значительное количество болгар селилось в лесостепи, рядом с аланами.[16]

Совсем иные приемы домостроительства были приняты на приазовских поселениях. Особенно в этом отношении характерны поселения, возникшие на развалинах античных городов. Там просто использовались и реставрировались старые постройки или же по их образу и подобию возводились новые дома: каменные, двухкамерные или глинобитные на каменных цоколях и тоже двухкамерные. Открытые очаги помещались всегда в центре пола одной из комнат. Второе помещение с внешним выходом служило сенями.

Всюду, где было византийское (позднеримское) влияние, строились такие жилища из камня. Все крымские поселения застроены аналогичными зданиями. Есть они в Дунайской Болгарии, в частности в Преславе. Интересно, что в Крыму даже полуземлянки обкладывались камнем, т. е., по существу, строились по тому же принципу, что и наземные жилища — с каменными цоколями или стенами.

Существенной особенностью праболгарских поселений является способ кладки стен, т. е. архитектурный прием, используемый праболгарами Подонья и Приазовья при строительстве зданий и укреплений. Этот способ можно назвать „панцирным" или „щитковым". Стена складывалась из двух щитов камней, сложенных плотно друг к другу и почти всегда без раствора или на жидкой глине. Между панцирями-щитами насыпался щебень и мелкий камень, утрамбовывавшийся и даже заливавшийся водой. В Приазовье и в Крыму камни „панциря" укладывались оригинальным приемом „в елочку". Этот прием появился в Приазовье в VIII и исчез в X в. Панцирная кладка стен использовалась и при строительстве фундаментальных строений, в частности стен крепостей. Особого внимания заслуживают стены Правобережного Цимлянского городища, датирующегося по вещам VIII — началом IX вв., погибшего столь неожиданно, что бежавшие или уничтоженные жители не смогли даже похоронить убитых защитников крепости — трупы их так и остались лежать в заброшенных жилищах. Никто не вернулся в крепость и после ее взятия и не выкопал зарытые и спрятанные клады. Панцири стен этой крепости были сложены из тесаных крупных меловых тщательно отделанных блоков. Пространство между панцирями было забито щебнем и битым камнем, утрамбованным так сильно, что создавалось впечатление известковой заливки. Толщина стен достигала 4 м. Еще более мощные стены были открыты на знаменитом Маяцком городище. Последние исследования на нем показали, что датируется этот памятник IX — началом X в. Вполне возможно, что его отстроили бежавшие из Правобережного Цимлянского городища жители. Блоки Маяцкого городища разной величины, некоторые длиной до 1 м, а ширина стен в наиболее уязвимых местах доходила до 7 м. Аналогии таким стенам, сложенным из блоков с забутовкой между панцирями, известны только в Дунайской Болгарии (Плиска, Преслав, Аул Омуртаг и др.). Только в дунайских столицах стены поставлены на фундаментах, а в Подонье фундаменты вообще не сооружались — стены ставились или на снивелированную материковую поверхность, или прямо на дерн.

Таким образом, в результате изучения болгарских поселений Подонья и Приазовья мы можем говорить, что для них характерны, во-первых, юрты и юртообразные жилища, во-вторых, наземные жилища с каменными стенами или на каменных цоколях, сложенных „панцирным" способом, и, в-третьих, каменные крепости из тесаных блоков.

Для степных поселений были характерны еще укрепления в виде рвов, отрезающих мыс с напольной стороны, и валов, сооруженных из выкида, образовавшегося при рытье рва. Такое строительство грандиозных по размерам и примитивных по технике укреплений прослеживается на всех поселениях, которые можно связать с праболгарами (Маяки, Карнаухово, Средний)[17]. Интересно, что тот же прием сооружения мощных укреплений из рва и выкида, укреплений, создавших как бы искусственный остров, был применен при строительстве Саркела и Маяцкого замка. У Саркела искусственный ров был соединен с рекой и превращен как бы в прочное дополнительное русло. Строительство земляных укреплений и применение панцирных кладок было распространено и среди аланского населения лесостепи, возводившего на приречных мысах белокаменные крепости из рваного дикого камня. Поэтому, выделяя праболгарские черты культуры в бытовом и крепостном строительстве, мы должны говорить только о преобладании того или иного строительного приема среди праболгарского степного населения, а не об исключительном его использовании только одними праболгарами.

Исследования салтово-маяцкой культуры в целом показали, что вещи, которыми пользовалось население Хазарского каганата, на всей его огромной площади были однотипны. Изменялись они только во времени. Единственная категория предметов, имеющая яркие локальные отличия и, возможно, определенную этническую принадлежность, является ку-

хонная керамика. Для всех степных поселений характерны кухонные горшки, сделанные на ручном гончарном круге, яйцевидных или шаровидных пропорций, с отогнутым венчиком и нешироким дном. Венчик нередко украшен косыми насечками, отпечатками гребенчатого штампа, волной. Туловище покрыто сверху и почти до дна линейным орнаментом, нанесенным гребенчатым многозубым штампом. Иногда этот орнамент не сплошной, а зональный, а на плечиках он перекрывается волнистой тоже многолинейной полосой. Глина, из которой изготовлены сосуды, обезжирена примесью речного, иногда довольно крупного кварцевого песка, а в приазовских поселениях мастера подмешивали местный морской песок с примесью дробленой ракушки. Изучение этой керамики на разных поселениях показало, что формы их в различных районах имеют заметные отличия. Так на Среднем Донце (зливкинский погребальный обряд) преобладают горшки яйцевидные, вытянутых пропорций, в Саркеле, Тмутаракани и Фанагории — шаровидные, в Карнаухове — смешанные, как бы „метисированные". Дальнейшее исследование кухонной керамики несомненно позволит выделить вполне четкие границы распространения различных вариантов горшков в степях VIII—X вв. Помимо горшков, в степных поселениях был широко распространен еще один тип кухонной посуды — это т. наз. котлы с внутренними ушками.

Форма их — обычные приземистые горшки нередко с круглым дном, слабо отогнутым венчиком и налепами с двумя отверстиями на внутренней стороне венчика. В отверстия вставлялся ремень для подвешивания котлов над очагом. Котлы распространены были в приазовских поселениях, на Нижнем Дону, много их в Саркеле. Попадаются они и на поселениях других районов степи, но в ограниченном количестве. Интересно, что довольно много котлов встречается в культурном слое Маяцкого городища и селища — на памятнике, который, несмотря на свое расположение в лесостепи, рядом признаков связывается с праболгарами.

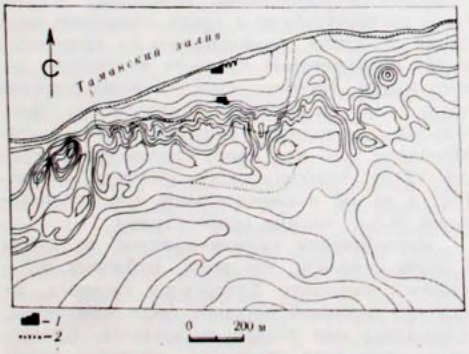

Рис. 3. План-схема Фанагории

1 — основные раскопы на городище: береговой и центральный; 2 — границы средневекового города

Изучение лощеной керамики также дает нам право говорить о преобладании определенных типов посуды в среде праболгар (см. статьи В. С. Флерова и В. Б. Ковалевской в этом сборнике).

Таким образом, в настоящее время можно считать, что этнографический облик праболгар, населявших степи Подонья и Приазовья, установлен. Выделенные нами особенности выявляются прежде всего в погребальном обряде, домостроительстве, архитектурных приемах кладки стен и возведения земляных укреплений, керамического комплекса, резко отличающегося от синхронных и близких ему аланского и славянского.

В дальнейшем при накоплении новых материалов и данных несомненно удастся более отчетливо, по ряду признаков выделить локальные варианты праболгарской культуры донских и приазовских степей. Сейчас они только намечаются. Вполне возможно, что открытие новых вещевых комплексов позволит выявить, как это сделано с керамикой, характерные для праболгар наборы оружия, украшений, амулетов. В настоящее время об этих категориях вещей можно сделать самые предварительные заключения. Так, в отличие от алан, праболгары очень редко пользовались боевыми топориками, предпочитая в ближнем бою листовидные копья. Стрелы у болгар также были преимущественно листовидные или неправильно ромбические, тогда как у алан они почти исключительно трехперые. В наборах украшений и амулетов также намечается некоторое своеобразие: болгары почти не пользовались браслетами, не обшивали одежду бубенчиками, служившими пуговками, значительно скромнее был их набор амулетов-оберегов.

Несмотря на выделение нами достаточно выразительных признаков собственно праболгарской культуры, следует помнить, что ни одна из выявленных или намеченных характерных болгарских черт, взятая в отдельности, не может служить определением этнической принадлежности памятника. Только сочетание нескольких признаков дает нам такую возможность. Даже привлечение наиболее устойчивых черт погребального обряда или наличие на памятнике характерных для праболгар форм сосудов неправомерно без обстоятельного рассмотрения всех фактов, которые получены при исследовании памятника. Поэтому открытые разведками остатки кочевий на берегах рек Донского бассейна и Таганрогского залива не всегда уверенно можно считать праболгарскими, несмотря на то, что подъемный материал на них состоит преимущественно из обломков горшков праболгарских типов и лощеных сосудов. Только наличие дополнительных данных: остатков на поселении каменных фундаментов наземных жилищ, обломков котлов с внутренними ушками, а иногда и открытие рядом с селищем

или кочевьем могильника или одиночного погребения праболгарского типа, позволяет с уверенностью делать выводы об этнической, именно праболгарской принадлежности данного памятника.

Выше уже говорилось, что все праболгарские материалы в Подонье и в Приазовье датируются салтово-маяцким временем (середина VIII — начало X вв.). До этого времени как будто и не было древних болгар. Нет ни одного достоверно праболгарского памятника, характеризующегося праболгарскими чертами, датируемого раньше середины VIII в. Однако по некоторым письменным источникам мы знаем, что болгары кочевали в приморских степях уже в VI в. (Йордан[18]). В 30-х годах VII в. хан Кубрат из тюркского рода Дуло возглавил сильное племенное объединение болгар, известное в источниках под названием Великая Болгария.[19] Территория ее определяется так: „На восточных берегах Меотийского озера за Фанагорией, кроме евреев, живут многие народы. За тем озером, выше Куфиса (Кубани — С. П.). . . находится древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгары котраги".[20] На земле Великой Болгарии теперь невозможно обнаружить ни одного памятника, который бы уверенно датировался VII в. Все кочевья, которые удалось нам обнаружить, нет оснований относить ко времени более раннему, чем остальные памятники салтово-маяцкой культуры. Значительный интерес для археологического изучения Великой Болгарии имеет упомянутая в цитированном отрывке Фанагория, тем более, что позже (695—705). в этом городе жил изгнанный византийский император Юстиниан II, женившийся в ссылке на хазарской принцессе, получившей в крещении имя Феодора.[21] Фанагорийским правителем в то время был Болгиций. Возможно, это имя отражает этническое название подавляющего большинства жителей города — болгар.

Развалины древней Фанагории находятся на берегу Боспорского пролива около современной станицы Сенной (рис. 3). Городище давно исследуется археологами-античниками, поскольку античный город Фанагория существовал с середины VI в. до н. э. вплоть до гуннского разгрома IV в. н. э.[22] После гуннов жизнь в городе только теплилась. В VI в. Прокопий Кесарийский называет „Фанагурис" небольшим городком.[23] Археологически это сообщение подтверждается полностью. На Фанагорийском городище практически отсутствуют слои V, VI и даже VII вв. К этим векам относятся только отдельные находки, в основном краснолаковой керамики. Очевидно, в этот ранний период жилые постройки были разбросаны на всей территории, занятой развалинами античного города и потому вещественные следы пребывания здесь какого-то населения проследить не удается: нет ни одной постройки, которую можно было бы уверенно датировать V—VI вв., невозможно уловить и уровень развития культуры людей, обитавших среди развалин.

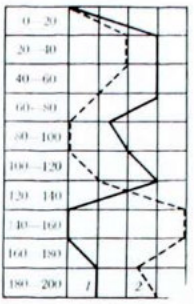

Рис. 4. Распространение амфор в средневековом слое Фанагории
1 — амфоры VIII—IX вв.;
2 — амфоры VII—VIII вв.

Основная масса находок в средневековом слое Фанагории — обломки разнообразной керамики. Слой датирован обломками амфор. Амфоры, характерные для салтово-маяцких памятников, распространены преимущественно на глубине от поверхности до 1,4 м, датируются они серединой VIII—IX вв. (рис. 4). Ниже, до глубины 2 м, т. е. до конца средневекового слоя (античный слой начинается на исследованных в Фанагории участках с глубины 2 м) они также встречаются, но значительно реже (только в перекопах). Амфоры более раннего времени, относящиеся к концу VII — первой половине VIII вв., в массе встречаются в слое, где почти нет салтово-маяцких амфор, т. е. на глубине от 1,4 до 2 м.[24] Попадаются они, конечно, и в верхних слоях, особенно часто в мостовых, которые, как правило, мостились обломками керамики и костями животных. Естественно, что датировка черепков вторичного использования должна быть более ранней, чем слой в целом. Слоя позже конца IX или самого начала X в. в Фанагории нет — нет там находок поливной посуды, заполняющей слои других древних городищ, существовавших и в позднем средневековье (например, на Таманском городище, древней Тмутаракани-Таматархе,[25] нет по той же причине красноглиняных высоких кувшинов, получивших распространение с X в., нет и амфор X в. Фанагория погибла от нашествия печенегов и больше не восстановилась. Недаром два источника X в. о Восточной Европе: трактат Константина Багрянородного и письмо кагана Иосифа, молчат об этом городе — в середине X в. его уже не было.[26]

Амфорный (массовый) материал не позволяет нам датировать слой Фанагории позже середины, а вернее второй половины VII в.

Интересно распределение лощеной и кухонной керамики в слое. Лощеная встречается в нем от поверхности до глубины 1,4 м, обломки кухонных горшков и котлов — тоже от поверхности до 1,6 — 1,8 м (отдельные

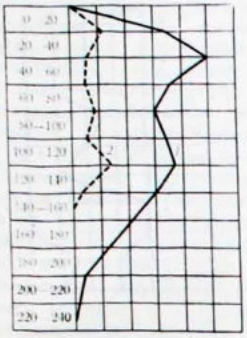

Рис. 5. Распространение кухонной и лощеной салтово-маяцкой керамики в средневековом слое Фанагории
1 — кухонные гончарные горшки с линейным орнаментом; 2 — лощеная столовая посуда

находки ниже этой глубины попали в слой в результате перекопа (рис. 5). И та, и другая посуда имеют абсолютные аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры и в культурном слое ближайшего к Фанагории города — древней Таматархе, в которой обломки лощеной посуды и кухонных горшков салтово-маяцких типов распространены в слое, который датируется VIII — началом X вв., т. е., как в Фанагории.[27]

Средневековая Фанагория в период своего расцвета занимала довольно значительный участок берега, равный в длину 1000 м, в ширину около 200 м. В основном эта была первая терраса берега и только на нескольких участках город заходил и на холмы второй террасы. Раскопы на городище были заложены на берегу, в центральной части, на холмах (начальником экспедиции в Фанагории долгое время была М. М. Кобылина.[28] Особенно хорошо сохранился участок средневекового города на центральном раскопе (рис. 6). Там обнаружен довольно значительный отрезок улицы шириной 3 м, длиной около 20 м, идущей в направлении З-В. К улице с севера примыкали два переулка (ширина 1,5 м). И переулки, и улица замощены черепками посуды и костями, причем на улице было прослежено четыре слоя мостовых, отделенные друг от друга прослойками по 15—20 см. Очевидно, по мере загрязнения и роста культурного слоя вокруг, примерно на каждые 20 лет улица ремонтировалась,[29] подновлялась (как в древнем Новгороде). Вдоль переулков и улицы располагались дома, от которых сохранились остатки каменных фундаментов более или менее хорошей сохранности. Большинство кладок сложено в „елочку", панцирной техникой. Вокруг кладок, внутри помещений прослеживаются слои расплывшейся глины, видимо, остатки глинобитных или саманных стен. Интересно, что дворики перед домами ограждались также весьма фундаментальными стенами. Внутри двориков нередко врывали в землю, почти по венчик, большие пифосы, заменяющие в городах Причерноморья и Приазовья обычные хозяйственные ямы, хотя попадались в фанагорийском слое и типичные для „салтовцев" хозяйственные ямы, как правило, обмазанные изнутри слоем глины, нередко слегка обожженной.

На этом центральном участке городища слой и сооружения VIII—IX вв. непосредственно перекрывают античный слой IV в. Нижний слой мостовой отделен от догуннского слоя 20—25 см. Перепланировка этой части города была полная. Улица была проложена над фундаментами и кладками древних строений, в основном разобранных для нового строительства. В дальнейшем перепланировок уже не было: мостовая ремонтировалась, над старыми домами строили новые, но при этом не разрушали установившиеся улицы и переулки.

На других участках города, судя по данным раскопок, также не было слоя, более раннего, чем прослеженный в центре городища, т. е. VIII—IX вв., судя по амфорам, эту дату можно углубить примерно — до 60—80 гг. VII в. Однако ярко выраженного слоя и сооружений VII, а тем более VI вв. в Фанагории пока не обнаружено. Очевидно, рост города начался в период пребывания там Юстиниана II, расцвет совпал с расцветом салтово-маяцкой культуры — середина VIII — середина IX вв. и погиб город на рубеже IX и X вв.

Итак, как мы видим, основные вехи в истории Фанагории прослеживаются по письменным источникам, жизнь же ее восстанавливается только благодаря археологическим материалам. То же можно сказать и о Таматархе (Тмутаракани). История этого города, средневековые слои которого сохранились еще хуже фанагорийских, воссоздается по огромному количеству керамических материалов, извлеченных из его 10-метровой толщи.[30]

Таким же образом в свое время были написаны очерки по истории Саркела-Белой Вежи,[31] хотя об этом городе в источниках сохранилось несколько узловых дат: время основания, время взятия хазарского города и появления Белой Вежи, и, наконец, гибель Белой Вежи в начале XII в.

Письменные источники позволяют и в общей истории народов юга Восточной Европы наметить главные события (рис. 7). Опираясь и отталкиваясь от них и сопоставляя их с археологическими данными, можно, по-видимому, объяснить многие ранее совершенно неясные, возбуждающие недоумение вопросы. Так в настоящее время нам представляется вполне логичным возникновение салтово-маяцкой культуры алано-болгар именно в середине VIII в. Она появилась вместе с расселением этих народов в южнорусских степях после арабских походов. Вполне сопоставляются исторически три археологически прослеженных события: гибель Правобережного

замка, строительство Саркела и строительство Маяцкого городища, во многом повторяющего Правобережную Цимлянскую крепость. Очевидно, все это связано со смутой, возникшей в каганате в связи с принятием каганом иудейской религии (т. наз. восстанием кабаров).[32] Правобережный замок, принадлежавший, видимо, мятежному болгарскому хану, был уничтожен, напротив его каган возвел новую мощную крепость Саркел, а уцелевшие обитатели замка и его окружения бежали на Верхний Дон и там поставили новый замок — Маяцкий. Восстание кабаров было вообще очень значительным событием в жизни каганата, в жизни народов, входивших в него. Мы знаем, что кабары, являвшиеся частью хазар, откочевали в Ателькузу к венграм.[33] Ателькуза находилась между Днепром и Серетом. Вполне возможно, что многие болгарские роды тогда же ушли по уже проторенным дорогам в Дунайскую и Волжскую Болгарии.

Все три государства, в которые входили праболгарские орды — Волжская и Дунайская Болгарии и Хазарский каганат, на протяжении всего VIII и IX вв. находились в постоянном общении, о чем также есть данные письменных источников. В настоящее время это очевидно подтверждается и археологическими материалами: прежде всего сходством культуры всех трех государств и затем появлением в обеих Болгариях памятников, датирующихся периодами, тяжелыми для жителей каганата. Кроме событий, связанных со смутой, можно указать также еще более тяжелое несчастье, а именно — нашествие печенегов, по существу, уничтоживших подавляющее большинство оседлых степных поселений. Это вызвало вновь движение в каганате. Многие болгарские орды и роды переселились к северу — на самые окраины Хазарии. Так возник там поселок и могильник в верховьях Оскола (у Волоконовки).[34] Чувствуется именно в это время приток нового болгарского населения в Волжской Болгарии. Появилось довольно много праболгарских памятников X в. в Молдавии (в междуречье Прута и Днестра). Думается, что таких археологических фактов, связанных с вполне конкретными событиями в жизни народов

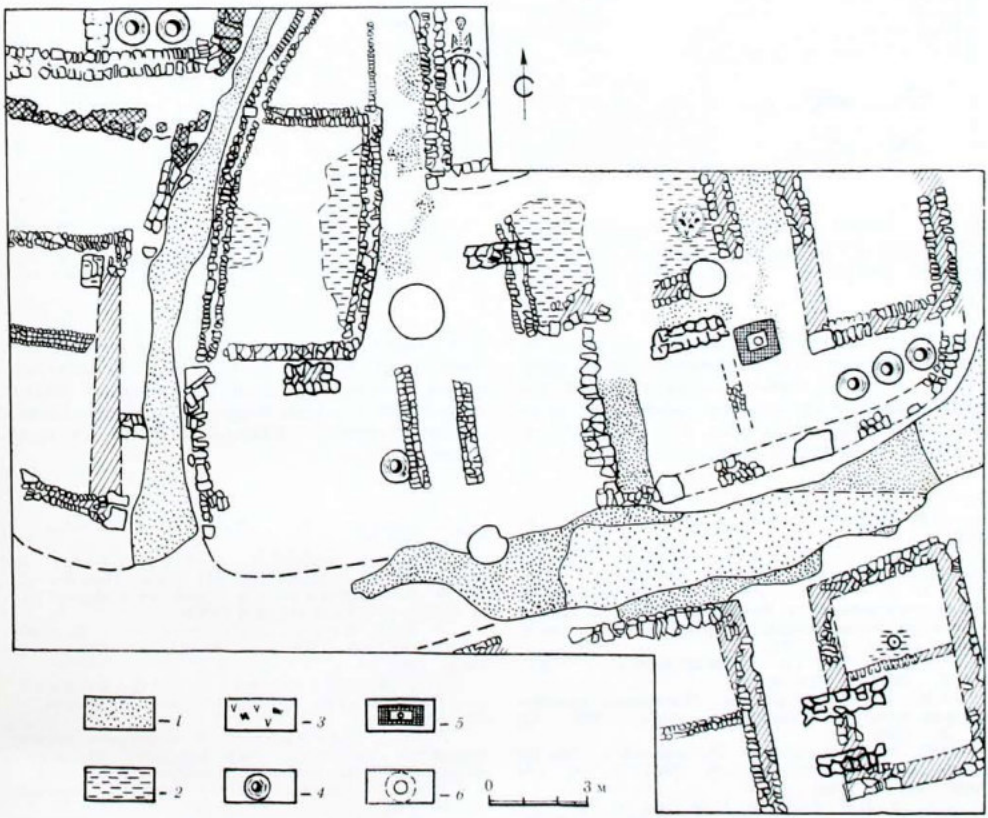

Рис. 6. Схематический план центрального раскопа, вскрытого до уровня VIII в.
1 — мостовые, утрамбованные обломками керамики и костями животных; 2 — глина; 3 — уголь зала; 4 — пифосы; 5 — гаинный жертвенник; 6 — хозяйственные ямы

63779/82

ВПИ БИБЛИОТЕКА ШУМЕН

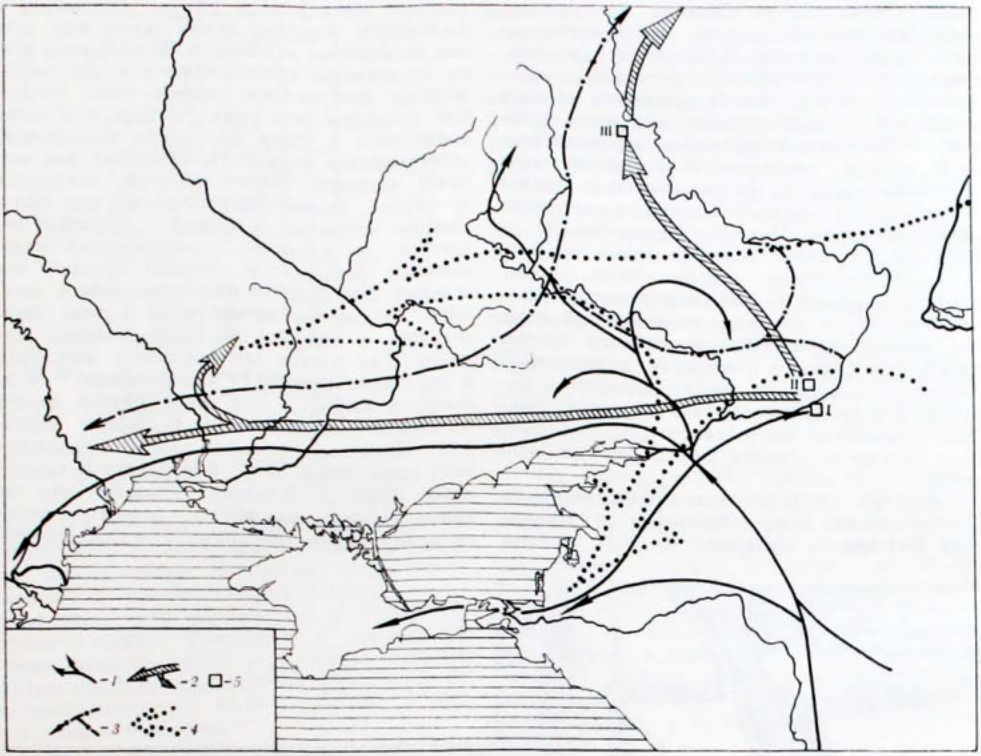

Рис. 7. Карта возможных передвижений жителей Хазарского каганата в периоды бедствий и войн
1 — движение болгарских орд в середине VIII в.; 2 — движение древнеболгарского населения в начале IX в. (восстание кабаров); 3 — передвижения населения в связи с нашествием на каганат печенегов; 4 — главные направления печенежского нашествия; 5 — города и замки каганата; I — Саркел, II — Правобережное Цимлянское, III — Маяцкое «городище

Хазарского каганата, мы можем указать несколько десятков. Таким образом, только археология даст нам новые данные и факты для построения стройной и фундированной истории праболгар, создавших в VII—VIII вв. в степях от Волги до Дуная три мощных государственных объединения с развитой экономикой и яркой культурой, исследование которых является одной из основных задач археологов — специалистов по раннесредневековым древностям Южной и Юго-Восточной Европы.

[1] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

[2] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 100—148.

[3] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Материалы к тому же исследованию. — Труды XII Археологического съезда, т. I, 1905.

[4] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, с. 254—256.

[5] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, 62, М.—Л., 1958.

[6] С. А. Плетнева. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967, с. 192, 194 (№№ 796, 160, 161).

[7] С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 191, 192, 195 (№№ 34, 35а, 57, 235, 250а); Полевой отчет Е. И. Савченко за 1975 г. — Архив ИА АН СССР.

[8] О. А. Артамонова. Могильник Саркела-Белой Вежи. — МИА, 109, М.—Л., 1963, с. 11—27 и сл.; Полевой отчет В. С. Флерова за 1974 г. — Архив ИА АН СССР.

[9] Полевые отчеты С. А. Плетневой за 1958—1959 гг. — Архив ИА АН СССР; Полевой отчет М. М. Кобылиной о работах в Фанагории за 1952 г. — Архив ИА АН СССР.

[10] Д. Т. Березовец. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. — КСИА АН УССР, 12. Киев, 1962.

[11] С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко. Волокоповский древнеболгарский могильник. — СА, 1976, № 3.

[12] С. А. Плетнева. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья. — В: Новое в археологии. М., 1972.

[13] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 135—144.

[14] М. И. Артамонов. Указ соч., с. 233—281.

[15] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 13—19.

[16] С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 51—64.

[17] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 23, 37.

[18] Иордан. О происхождении и деянии гетов. — Getica. М., 1960, с. 72.

[19] М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 157—169.

[20] Летопись византийца Феофана. — Чтения МОИДР, 1884—1887, с. 262.

[21] М. И. Артамонов. Указ. соч., с. 193—201.

[22] М. М. Кобылина. Фанагория. — МИА, 57, М., 1956, с. 15 и сл.

[23] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 388.

[24] Типологическая и эволюционная схема амфор VI—IX вв. составлена И. А. Барановым в статье помещенной в этом же сборнике.

[25] Т. И. Макарова. Поливная керамика Таманского городища. — В: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 73—102.

[26] С. А. Плетнева. От кочевий к городам, с. 46.

[27] С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. — В: Керамика и стекло древней Тмутаракани, с. 25, 35.

[28] Фанагория. — МИА, 57, М., 1956.

[29] Наблюдения, сделанные советскими археологами при раскопках многих древних городов, позволили заключить, что культурный слой в них нарастает в среднем по 1 см в год (так трехметровая толща Саркела наросла за 300 лет, 10 м слоя на Тамани за 1000 лет и т. д.).

[30] См. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

[31] См. МИА, 62, 75, 109. М.—Л., 1959, 1963.

[32] М. И. Артамонов. Указ. соч., главы 15—17.

[33] Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, с. 18.

[34] С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко. Указ. соч., с. 297—298.